

ВОРОНЦОВА Юлия Борисовна

**КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЗВИЩА
В РУССКИХ ГОВОРАХ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2002

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель: член-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор
Матвеев А.К.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор **Гридина Т.А.**
кандидат филологических наук, доцент **Лабунец Н.В.**

Ведущая организация: **Пермский государственный университет**

Защита состоится "____" _____ 2002 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212. 286. 03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан "____" _____ 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

М.А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Ономастика играет важнейшую роль в кругу современных лингвистических дисциплин. Период наиболее активной разработки ономастической проблематики приходится на 60–70 гг. XX столетия, именно в это время зарождается методика изучения антропонимии и, в частности, прозвищного ономастикона русского языка (см., например, исследования А.Н. Антошина, Т.В. Бахваловой, В.П. Ванюшечкина, П.И. Визгалова, Е.Ф. Данилиной, З.П. Никулиной, П.Т. Поротникова, В.И. Тагуновой, Е.В. Ухмылиной, Н.Н. Ушакова, В.А. Флоровской, Ю.И. Чайкиной). Безусловно, этот период во многом определил пути изучения прозвищ в последующие десятилетия. Исследования 70–80 г.г. носят преимущественно «точечный» характер и в большинстве своем не претендуют на теоретические обобщения. Большинство работ этих десятилетий, как, впрочем, и 90-х гг., связано с изучением индивидуального и семейного прозвищного ономастикона, в то время как работы, посвященные исследованию коллективных прозвищ, появляются лишь во второй половине 80-х годов (Н.Г. Гордеева, А.Ф. Журавлев и др.).

Именно этот разряд ономастики стал **объектом** настоящего исследования. Коллективные прозвища, под которыми понимаются неоттопонимические характеризующие именованья жителей какого-либо населенного пункта или региона, представляют собой оригинальную и чрезвычайно интересную, но вместе с тем малоизученную и даже недостаточно описанную область ономастики. До сих пор остается открытым как вопрос о самом термине *коллективное прозвище*, так и о его смысловом наполнении. Несмотря на то, что интерес к коллективным прозвищам проявляли многие ученые, тем не менее они не стали объектом комплексного изучения.

Актуальность исследования диктуется необходимостью определения ономастического статуса коллективного прозвища, а также места данной группы антропонимов в ономастической системе – как русского языка вообще, так и отдельного региона. Кроме того, рассмотрение коллективных прозвищ актуально в связи с их ономазиологической спецификой, а также высокой этнолингвистической ценностью, позволяющей реконструировать фрагмент традиционной языковой картины мира.

Цель настоящей работы – осуществить комплексное лингвистическое исследование коллективных прозвищ как факта русского ономастикона.

Основой **материала**, анализируемого в работе, являются прозвища, зафиксированные на территории Русского Севера. Эта территория избрана для изучения по многим причинам. Во-первых, Русский Север является зоной, где формирование современного населения происходило достаточно сложно, в столкновении разнонаправленных потоков русской колонизации между собой, а также с аборигенными финно-угорскими племенами. Столь пестрые этносоциальные условия неминуемо должны были получить языковое отражение – в частности, на уровне номинации различных коллективов людей. Во-вторых, именно на этой территории наиболее полно собраны интересующие нас ономастические данные: с одной стороны, имеются не введенные пока в научный оборот материалы масштабного фронтального сбора, осуществленного сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского государственного университета; с другой стороны, языковой материал этого региона получил весьма полное отражение в различных словарях (выборочно включающих в свой словник интересующие нас факты), составленных как в XIX, так и в XX вв., а также в этнографической литературе.

Помимо Архангельской и Вологодской областей, в регион включен материал русских говоров Карелии, Костромской, Мурманской области, а также частично Ярославской и Кировской областей. Такое расширение во многом продиктовано логикой самого материала: если номинированию средствами коллективных прозвищ подвергаются «соседи», с которыми жители какой-либо местности вступали в разнообразные контакты (в частности, жители соседней области), если исторические и хозяйственные факторы создают взаимодействие смежных географических зон, то особенности строения номинативной

системы, сложившиеся в ней модели именования отражают эти естественные закономерности структурирования денотативного пространства. Кроме того, смежные (по отношению к узким границам Русского Севера) территории Ярославской и Кировской областей дают богатый прозвищный материал XIX в. В сопоставительных целях к изучению привлекается также антропонимический материал по другим территориям: Среднему Уралу, Центральной России и т.п.

Задачи данной работы: а) дать толкование термину *коллективное прозвище*, установив статус этого разряда ономастики; определить его место среди других типов собственных имен; б) выявить существующие в ономастическом пространстве севернорусских говоров коллективные прозвища, используя данные полевых записей и материалы письменных источников; в) показать ономазиологическую специфику данного разряда ономастики и определить особенности взаимодействия номинации и мотивации в сфере коллективных прозвищ; г) проанализировать ономастический материал в лингвогеографическом аспекте; д) охарактеризовать этнолингвистическую значимость изучаемого материала; е) выработать принципы лексикографического описания изучаемого разряда антропонимов и составить словарь коллективных прозвищ.

Анализируемые ономастические единицы были извлечены из следующих **источников**: **I.** Полевые записи Топонимической экспедиции УрГУ по территории Архангельской, Вологодской, Костромской и частично Кировской и Ярославской областей. **II.** Письменные источники, которые можно разделить на несколько типов: **1.** Неспециализированные источники (этнографические и фольклорные): **а)** *Даль В.И.* Русь – Родина // Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1989. Т.2; **б)** *Забылин М.* Русские народные присловья // Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Минск, 1991; **в)** *Зеленин Д.К.* Великорусские народные присловья как материал для этнографии; Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994; **г)** *Сахаров И.П.* Русские народные присловья // Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990; **д)** *Снегирев И.М.* Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996. **2.** Специализированные лингвистические источники (словари): **а)** Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении /Сост. А.Подвысоцкий. СПб., 1885; **б)** Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении /Сост. Г. Куликовский. СПб., 1898; **в)** *Грандильевский А.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907; **г)** *Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979; **д)** Словарь русских народных говоров. М.; Л.; 1969–2001–. 1–35–; **е)** Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–1996–. Вып.1–7–; **ж)** Архангельский областной словарь /Под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–1999–. Вып.1–10–; **з)** Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–1999–. Вып.1–4–; и др.

Выборка материала из картотеки и словарей осуществлялась путем фронтального просмотра.

Следует сделать несколько замечаний о **специфике работы** с изучаемым материалом, вытекающей из его объективных номинативных особенностей, а также связанной с таким субъективным моментом, как подача коллективных прозвищ в письменных источниках. Сложность работы с данными, извлеченными из этих источников, обусловлена не только их многогранностью и разнообразием, но и неоднородностью материала: полевые записи нацелены на фиксацию коллективных прозвищ как фактов ономастической системы, а неспециализированные источники чаще всего фиксируют коллективные прозвища в составе присловья, анекдота, прибаутки и т.п.

Таким образом, весь массив коллективных прозвищ может быть разделен на *собственно номинативный* и *текстовый материал*. В первую группу входят номинативные единицы, являющиеся фактами ономастической системы и функционирующие в различных

контекстах; основу этой группы составляют онимы, выявленные при просмотре полевых материалов. Вторую группу формируют единицы, жестко связанные с определенным текстом; такой материал в основном извлечен из фольклорных источников. Отметим, что данные словарей (несмотря на нацеленность этого типа источников на фиксацию какой-либо единицы как факта языка) равномерно распределяются по обеим группам, так как словари часто повторяют фиксацию прозвища в письменном источнике. Все вышесказанное обуславливает необходимость верификации текстового материала на основе сопоставления номинативных и текстовых единиц между собой и, соответственно, разграничения присловий и коллективных прозвищ.

Методы исследования. Для решения задач, поставленных в работе, используются процедуры ономазиологического, идеографического анализа и семантической реконструкции, а также приемы лингвогеографического описания. Для характеристики методической базы работы важна также установка на рассмотрение изучаемого ономастического материала в этнолингвистическом аспекте, предполагающая, в частности, комплексный подход к языковым данным в их взаимодействии с фактами фольклора. Кроме того, в работе используются приемы лексикографического описания.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые осуществляется системный лингвистический анализ такого феномена русской ономастики, как коллективные прозвища, который производится на материале прозвищного ономастикона обширного региона. В научный оборот вводится новый ономастический материал – в том числе массивный корпус фактов, отсутствующих в опубликованных источниках.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней выработана модель комплексного описания особого разряда прозвищных номинативных единиц, позволившая заполнить лауну, существующую в типологии ономастики, а также осуществить реконструкцию фрагмента русской народной языковой картины мира. Результаты исследования значимы для ономазиологии, ономастики, диалектологии, этнолингвистики.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в вузовских курсах русской диалектологии, в спецкурсах по этнолингвистике, ономастике, ономазиологии, диалектной лексикологии. Выработанная методика лексикографического описания коллективных прозвищ в севернорусских говорах может быть использована при составлении ономастических словарей русского языка.

Апробация работы. Основные выводы и положения исследования изложены автором в докладах на Международном совещании «Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни» (Пермь, 1997), Международном симпозиуме «Традиционная культура финно-угров и соседних народов» (Петрозаводск, 1997), межвузовской научной конференции «Проблемы русской лексикологии и лексикографии» (Вологда, 1998), ежегодной региональной конференции «Актуальные проблемы лингвистики» (Екатеринбург, 1996, 1997, 1998), научной конференции «Словесность и современность» (Пермь, 2000), Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность.» (Екатеринбург, 2000), Международной научной конференции «Лингвокультурологические проблемы толерантности» (Екатеринбург, 2001). По теме исследования опубликовано 13 научных работ.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и приложения, представляющего собой Словарь коллективных прозвищ. Общий объем работы 293 с., из них основной текст составляет 138 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются цель работы, задачи и методы исследования, кратко характеризуются состояние разработки вопроса, материал и специфика работы с ним, структура работы.

В первой главе «Коллективные прозвища как факт ономастики» рассматривается проблема ономастического статуса коллективных прозвищ и производится отграничение этого феномена ономастики от смежных явлений.

Одной из первостепенных задач является определение термина *коллективное прозвище*. Дискуссия о статусе коллективного прозвища в языке, начавшаяся еще в 60-е годы (В.К. Чичагов), бурно развивавшаяся в 80-е годы, продолжается до сих пор, но уже на новом уровне. Тем не менее ученые до сих пор не пришли к общему мнению. Проанализировав существующие исследования, посвященные прозвищной антропонимии (§ 1 «К вопросу о традициях изучения коллективных прозвищ в ономастике»), можно выделить ряд проблемных, наиболее спорных моментов в определении статуса коллективных прозвищ: 1. Для определения данного явления в языке используется совокупность терминов: *региональные прозвища* (А.Ф. Журавлев), *групповые прозвища* (А.В. Суперанская, З.П. Никулина, Е.М. Черняховская), *регионально-групповые прозвища* (А.Ф. Журавлев), *коллективные прозвища* (Т.И. Макарова, И.О. Широкова, Г.Н. Чагин, А.А. Чувьуров), *коллективно-территориальные прозвища* (П.Т. Поротников, В.И. Тагунова, Н.Г. Гордеева, Л.И. Маршева), *микроэтнонимы* (Е.В. Ухмылина, В.А. Никонов, А.Ф. Журавлев), *региональные этнонимы* (Е.В. Ухмылина, В.А. Никонов), *квазиэтнонимы* (Р.А. Агеева). 2. В большинстве современных лингвистических исследований предпочтение отдается двум терминам – *коллективное прозвище* и *коллективно-территориальное прозвище*, употребление которых может быть синонимичным. 3. Наиболее проблемными с точки зрения своего ономастического статуса являются наименования, производные от ойконима, но имеющие характеризующую функцию, которые на формальном основании, включаются в раздел катойконимов (Н.Г. Гордеева, Л.И. Маршева), а по функциональной направленности – в раздел коллективных прозвищ (А.Ф. Журавлев, Г.Н. Чагин). 4. В связи с возникшими при выборе термина сложностями необходимо провести разграничение коллективных прозвищ со следующими смежными разрядами ономастики: оттопонимическими названиями, семейными прозвищами, этнонимами, а также наименованиями групп населения, в основе объединения которых лежит не территориальный признак. 5. При выборке материала из источников фольклорно-этнографического типа возникает необходимость в разграничении прозвищ и присловий.

Проблеме разграничения коллективных прозвищ и присловий, а также прозвищ и смежных разрядов ономастики посвящен § 2 «К вопросу о языковом статусе коллективного прозвища».

1. Коллективные прозвища и присловья в свете дихотомии язык / речь. Термин *присловье-прозвище* возникает в трудах Д.К. Зеленина, однако данное наименование неточно и неудобно, в первую очередь потому, что термин *присловье* амбивалентен: с одной стороны присловье – факт фольклора (а, следовательно, текста), с другой – номинативный языковой факт. В ходе исследования разработаны **критерии разграничения прозвищ и присловий**: 1. Присловье принадлежит к области поэзии, а не прозы (в том смысле, который вкладывал в эти термины А.А. Потебня), оно предпочитает образность, «фигурность» выражения, охотно пользуется двусмысленными оборотами речи. На этом основании нами не выделялись прозвища из тех присловий, которые были зарифмованы: факт присутствия рифмы сразу же относит данный текст к фольклорному жанру (*любимые ловцы – даниловцы-невыдавцы*). 2. Прозвища реализуют устойчивые модели антропонимической номинации, и некоторые факты, содержащиеся в материале, были отнесены к фактам текста, а не языка на основании несоответствия этим моделям: сибиряки – *золотое дно* (идиома *золотое дно* характеризует саму Сибирь, а не ее жителей, соответствуя моделям топонимической номинации). 3. Как уже отмечалось ранее, присловье представляет собой текстовое образование, прозвище же – факт языка, но коллективное прозвище, пусть даже функционирующее как номинативная единица, тесно связано с текстом (наиболее яркое доказательство этому – ситуативные мотивировки). В ряде случаев прозвище может считаться определенной степенью компрессии фольклорного текста. И в том случае, если прозвище в составе текстовой

структуры сохраняет свою основную функцию (характеризует объект номинации), то оно должно быть признано самостоятельной языковой единицей (возможно, даже при наличии текстового оформления и присутствия рифмы): «*петряши-олахи, синие (белые) рубахи*» – жители д. Петряево; «*лопшари-зубари*» – жители д. Лопшеньга. Такие наименования следует считать периферийными явлениями корпуса коллективных прозвищ.

II. Место коллективных прозвищ в ономастическом пространстве. Проблема типологии собственных имен – в том числе антропонимов – является одним из наиболее сложных вопросов ономастики, решению которого препятствует зыбкость границ между смежными ономастическими разрядами, наличие множества переходных случаев. В ходе работы с разнородным ономастическим материалом были разработаны критерии разграничения коллективных прозвищ, с одной стороны, и смежных разрядов ономастики, с другой. В настоящем разделе проблема дифференциации смежных типов онимов рассматривается по двум параметрам: *функциональный аспект* (дифференцирующая / характеризующая функция); *денотативный аспект* (коллектив жителей, объединенных по территориальному признаку / другие объекты номинации).

1. Коллективные прозвища ⇔ оттопонимические названия жителей. К оттопонимическим названиям необходимо отнести номинативные факты следующих трех типов. **1.1.** Собственно *катойконимы* (*нефедовцы* – д. Нефедово; *яреньжата* – д. Яреньга). Эти наименования не относятся к коллективным прозвищам и в работе не рассматриваются. **1.2.** Оттопонимические прозвища: номинативные факты типа *заречана, верхота, горяна, верхотичка, заболотье, заволошные* и т.п. Эти наименования сближаются с коллективными прозвищами, в основе которых лежит номинативный признак «географическое положение, место жительства». Однако, на наш взгляд, следует отделять такие номинативные факты от коллективных прозвищ в силу того, что эти два класса онимов имеют различный объект номинации: в отличие от коллективных прозвищ, оттопонимические названия типа *верхота, заречана* не имеют четко закрепленной «адресности» и в известном смысле дейктивны (при смене угла зрения – то есть изменении местоположения наблюдателя – *заречанами* или *заболотскими* становится иной объект номинации). Таким образом, для этой группы наименований дифференцирующим оказывается денотативный аспект, функциональный же – находится в интегральном положении. На этом основании единицы данного типа отнесены к оттопонимическим названиям, тем более что в таких наименованиях наблюдается сближение онима с апеллятивом, то есть просматривается переход этих именований в языковое пространство нарицательной лексики. **1.3.** Игровое переосмысление оттопонимического названия, обозначающего место жительства носителей прозвища: *лопшари* – жители д. Лопшеньга; *ревуны* – жители д. Ревдино; *патрули* – жители д. Патрушино. Данные наименования, с одной стороны, непосредственно соотносятся с ойконимом, имеют дифференцирующую функцию и являются фактами прямой номинации, с другой стороны, в них прослеживается сближение с именами нарицательными (*лапша, рёв-реветь, патрулировать*) в силу паронимической аттракции (это находит подтверждение в контекстах: «они лапшу ели»). Поэтому наименования такого типа приобретают экспрессивную, характеризующую функцию, следовательно, их можно считать своего рода периферией ономастического пространства коллективных прозвищ, тем более, что и в качестве структурной модели в этом случае чаще всего используется не катойконимическая суффиксация, а суффиксы Nom. agentis, которые не характерны для катойконимического образования, но являются основной моделью образования коллективных прозвищ.

2. Коллективные прозвища ⇔ семейные прозвища. Семейные прозвища выполняют характеризующую функцию, будучи факультативными образованиями по отношению к фамилиям: *козлята* – прозвище семьи Буториных; *сметанники* – прозвище семьи Мокиных. Функционально семейные прозвища сходны с коллективными, однако различаются на уровне объекта номинации – семейные прозвища прилагаются к группе людей, объединенных семейными узами, в то время как коллективные прозвища обозначают

территориально единый коллектив. Эта разнообъектная направленность номинации является основным критерием при разграничении семейных и коллективных прозвищ.

3. Коллективные прозвища ⇔ прозвищные топонимы. Прозвищными топонимами называем имена, по форме соответствующие топонимам (являющимся, как правило, обозначениями макрообъектов – стран и других макрорегионов) и функционирующие как неофициальные обозначения населенных пунктов и его жителей: *Турция* – прозвище д. Долгощелье. Такие имена причисляются к периферийным явлениям сферы коллективных прозвищ, так как они – в результате акта вторичной номинации – обозначают не только географический объект, но метонимически номинируют коллектив людей, выполняя характеризующую функцию. Принадлежность их к коллективным прозвищам доказывается еще и тем, что все имена подобной формы имеют: а) варианты, однозначно относящиеся к коллективным прозвищам: *Турция* – *турки*; *Япония* – *японцы*; *Китай* – *китайцы*; б) контексты, доказывающие возможность метонимического употребления этих имен в качестве прозвищ: *«Азия на покос пошла!»*, где *Азия* – наименование д. Заакакурье.

4. Коллективные прозвища ⇔ социальные прозвания. Под термином *социальные прозвания* обычно подразумеваются обозначения коллективов людей, объединенных, в первую очередь, не по территориальному, а по культурному, социальному признаку. Однако в корпусе коллективных прозвищ, исследуемых нами, содержатся наименования, представляющие собой пограничные явления, которые, на наш взгляд, могут быть отнесены как к коллективным, так и к социальным прозвищам. Пограничный статус данные наименования получают на основании своей территориальной закреплённости, характеризуя при этом социальную общность: *беломученики* (торговцы пшеницей в г. Рыбинске Ярославской губернии) – *«не имели прибыли от торговли ею»*; *биямцы* (стекольщики в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии) – *«странствующие стекольщики, имеющие свою артельную организацию и особый условный знак»*. По наличию территориальной привязки, перечисленные социальные прозвания включаются в периферийную зону коллективных прозвищ.

5. Коллективные прозвища ⇔ прозвищные этнонимы. К прозвищным этнонимам предлагается относить факультативные, менее употребительные наименования того или иного этноса, возникшие в результате разведения внутренних и внешних этнонимов, то есть самоназваний и наименований, полученных извне. Наименования такого рода не могут быть включены в сферу коллективных прозвищ, но среди прозвищных этнонимов следует выделить группу наименований, которые могут быть классифицированы одновременно и как коллективные прозвища: это прозвищные этнонимы с территориальной закреплённостью – такие наименования относятся лишь к части этнической группы, проживающей на определенной территории. Эта особенность позволяет говорить об общности денотата для коллективных прозвищ и прозвищных этнонимов. Признак территориальной закреплённости и характеризующая функция прозвищных этнонимов такого рода позволяет относить их к периферийной зоне коллективных прозвищ: *байбаки* – карелы в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии; *кереметники* – марицы в Яранском уезде Вятской губернии.

Исходя из проведенных отграничений, определен ономастический статус *коллективного прозвища* в языке – данные наименования выделяются в отдельную группу онимов при условии наличия совокупности следующих критериев: номинация группы людей; территориальная закреплённость, то есть наименование жителей определенного участка местности – от населенного пункта (или даже его части) – до обширного региона; отсутствие связи с соответствующим топонимом; характеризующий, а не дифференцирующий принцип номинации.

Во **второй главе** «Русские коллективные прозвища в ономаσιологическом аспекте» производится классификация коллективных прозвищ, на основании которой рассматривается их семантическое своеобразие, а также выявляется ономаσιологическая специфика данной группы прозвищной лексики.

В отличие от традиционных классификаций, основанных на логических параметрах (то есть выявлении понятийного содержания исходных апеллятивов), основанием данной классификации послужили мотивационные контексты, которые либо приведены в источниках, либо восстанавливаются исследователем в соответствии с внутренней формой прозвища.

В ходе работы с материалом была составлена классификация коллективных прозвищ, основой для которой явился мотивационный контекст, часто позволяющий учесть не только различные возможности появления имени, но и зафиксировать позицию номинатора при его создании. Были выделены следующие мотивационные типы коллективных прозвищ (приводятся в порядке убывания частотности мотивировок, составляющих тот или иной тип): **ЧЕЛОВЕК (401)**: черты характера (112): *бахвалы* – «хвастают много, врать любят»; *лукавцы* – «хитрый народ»; внешний вид (112): *безносики, карлики*; особенности речи (85): *немтыри, растягаи* – «там растягают: Ванька-а, ма-амка»; социальное поведение (58): *воры* – «дорога была мимо них, на лошади как остановился там, так обязательно что-нибудь пропадет»; *смуты*; интеллект (25): *глупыши, скородумы*; количество жителей (9): *бессчетны, саранча*; **БЫТ (264)**: гастрономия (127): *житники* – «употребляли в пищу преимущественно ржаной хлеб»; *кисличники* – «очень любят щи со щавелем»; одежда (55): *балахонники* – «зимой к озеру едут – балахоны надевали»; *лапотники, лапотошники, лаптёжники, лапти* – «все в лаптях бегали»; отношение к гигиене (40): *немытые* – «умывались они от пива до пива – а пиво варили на реке в Троицу – раз в год и умоются»; бытовые привычки (42): *котомочники* – «хлеба у нас не хватало, дак ходили по деревням с котомкам»; *суходои*; **ТРУД (136)**: *бурачники* – «занимаются плетением корзин на продажу»; *горшечники, горшки, глиняная посуда* – «они делали глиняные горшки»; *катанники* – «катали валенки»; *солевары*; **МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА (119)**: *кулики* – «у болота жили»; *лесные вороны* – «далеко от дороги живут»; **СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА (90)**: экономическое положение (53): *буржуи* – «живут зажиточно»; *оборванцы*, отношение к религии (16): *богогоны* – «Бог-от будто переехал через речку, а его прогнали»; *крестоломы* – «ломали кресты на дрова и топили ими»; социальное положение (15): *купцы, паны*; культурный досуг (6): *картежники* – «мужики в карты играли, домой не ходили»; **СИТУАТИВНЫЕ НАЗВАНИЯ (83)**: *мертвокрады, царики* – «дедушка напился, сел на чурку: «Я как царь!» – вот и прозвали цариками»; **ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (14)**: *вотяки, лопари*.

Анализ классификации позволяет сделать вывод о значимости тех или иных жизненных процессов и характеристик для наименований жителей определенной местности, в частности, выявить: 1) бытовые, социальные и культурные предпочтения носителей и создателей прозвищ; 2) этнографически значимую информацию о жителях тех или иных мест (прозвища дают представление о характере занятий населения, о быте, экономическом положении, о характере поселений в различных областях России); 3) информацию о культурной ситуации в этих регионах (отношение к религии, культурный досуг); 4) особенности группы ситуативных прозвищ, анализ которых выводит на проблему «текстовости» коллективных прозвищ, обращает к вопросам номинации и мотивации, к ономаσιологическим особенностям коллективных прозвищ, которые рассматриваются в § 2 «Ономаσιологические особенности русских коллективных прозвищ».

В любой номинативный процесс, развивающийся по обычной схеме, входят субъект (S) и объект (O) номинации, язык как орудие создания имени, и номинативная ситуация, которая задает условия для S и O, определяет степень их контакта. Исключением не является ситуация создания коллективных прозвищ.

1. Субъект номинации. Для субъекта номинации специфично то, что он, как правило, находится вне номинируемого коллектива, так как в фиксируемом материале нет практически ни одного самоназвания; изученные источники, нередко называющие коллектив, в речи которого употребляется прозвище, не содержат указаний на факты

«автономинаций».

2. Объект номинации. В сфере коллективных прозвищ объектом номинации являются жители определенной местности, как огромного региона, так и отдельного населенного пункта (или даже его части).

3. Номинативная ситуация задает условия и временные рамки контакта S и O. По отношению к исследуемому антропонимическому материалу следует предположить, что процесс рождения коллективного прозвища вряд ли продолжителен: скорее всего, прозвище отражает те свойства объекта, которые отмечаются субъектом номинации вскоре после знакомства с объектом, так, источники фиксируют большое количество мотивировок, отражающих особенности речи и внешнего вида объекта номинации; также значительна группа, отражающая характер занятий коллектива жителей определенной территории, его ремесло.

4. Язык как орудие номинации. Языковая специфика прозвищного ономастикона имеет несколько характерных особенностей:

1) Как указывалось ранее, показательной чертой коллективных прозвищ является их тесная связь с фольклорным текстом.

2) Особенностью материала является наличие довольно большого числа номинативных рядов прозвищ, каждый из которых относится к одному объекту номинации: а) в них может развиваться одна мотивировка – так, что элементы ряда оказываются связанными между собой: *(ертебинские) грачи // (ертебинские) частобаи* – прозвище жителей д. Ертебино. Очевидно, что в основу номинации составляющих ряда могли быть положены речевые особенности данного коллектива, которые ярко проявлены во внутренней форме прозвища *частобаи*; б) иногда происходит выстраивание нескольких рядов прозвищ, образованных от разных основ и не соотносящихся друг с другом: *богомольцы // монахи* \Leftarrow жители д. Веркола \Rightarrow *ельцы*. Очевидно на появление рядов обоих типов повлияли следующие причины: а) наличие разных функциональных сфер бытования прозвища, в связи с чем в каждой из сфер употребляется свое прозвище или свой семантический ряд прозвищ; б) разнособъектная характеристика одного коллектива (можно предположить такую ситуацию, когда субъектов номинации было несколько, и каждый из них выделил у объекта номинации свою характерную черту, в соответствии с которой номинировал объект); в) ситуация формирования прозвища, связанная непосредственно с языком, с особенностями прозвищной деривации, то есть тот случай, когда возникают различные возможности появления имени на базе одной производящей основы или же различных лексем.

3) Отметим также, что работа языка над прозвищем нередко подчинена целям экспрессивной характеристики объекта номинации. В связи с этим в некоторых случаях следует предположить существование нескольких этапов, которые проходит номинация, стремясь к большей зашифровке и экспрессии. В результате реализации многоступенчатых номинативных ходов появляются прозвища типа *глиняная посуда, мешочные глаза* и т.п., при этом нужно учитывать, что онимы такого рода входят в разные системы прозвищ, то есть каждое из них имеет эквивалент, равный по семантике и мотивировке, но менее экспрессивный: *горшочники // горшки // глиняная посуда* – жители д. Павшино; *мешочники // мешочные глаза* – жители с. Варзуга. Таким образом, номинация проходит длинный путь от реального, жизненного факта (место жительства, занятие, гастрономия, бытовые привычки, интеллект) до ярко выраженной в прозвище экспрессии.

4) Появление рядов прозвищ, номинирующих один объект, во многом обусловлено тем, что, как уже отмечалось, коллективные прозвища реализуют не столько дифференцирующую, сколько характеризующую функцию: в этой ситуации ослабляется потребность однозначно назвать объект (такую потребность реализуют оттопонимические названия) – но, напротив, возрастает возможность варьирования наименования. Особое внимание привлекает наличие необычных ситуативных мотивировок, которых довольно много в материале. К ситуативным прозвищам очень сложно подобрать реальную мотивировку, найти «бытийный» мотив. Это связано с оформлением прозвища, в форму

которого уже непосредственно заложена предикативность, событийность, стимулирующая появление ситуативной мотивировки: *грободеры // жидоконы // мертвокрады* – слобожане. Все эти прозвища имеют одну ситуативную мотивировку («*слобожанин будто бы откопал труп еврея, думая, что евреев хоронят с деньгами*») и представляют собой тематическое единство, которое подчеркивается и единообразием словообразовательной модели прозвища.

5) Нередко встречаемся с ослабленной схемой номинативного процесса, когда номинатор не проходит все этапы номинации (от подготовки идеального содержания к объективации до выбора звуковой оболочки имени). Субъект номинации избирает готовое прозвище, готовую модель и номинирует им другой коллектив. Это возможно во многом потому, что прозвище связано с текстом, с фольклорными сюжетами, которые легко кочуют, вследствие чего кочуют и сами прозвища. Создавая новое коллективное прозвище, номинатор часто не изучает реальные свойства объекта, а берет готовое имя, уже существующее в языке: *водохлёбы* – бохтюгцы, ваганы, устюжане, шенкурцы, вологодцы; *толоконники* – вологодцы, вятчи.

6) Представляется также целесообразным рассмотреть прозвища с точки зрения образования гнезд мотивировок, то есть выявить некоторые черты мотивации прозвищ: *ерши* – «*дрались шибко*»; «*много ершей они ловили*»; «*молодежь больно у них не ладила*»; «*на берегу жили*»; «*ершивые были*». Вероятно, многообразие мотивировок в гнездах указывает на их случайность, вторичность некоторых из них. Обилие мотивировок нередко является следствием образности прозвища (образное прозвище информанты могут интерпретировать по-разному, отсюда появление различных мотивировок): *горшки* – «*гончары были*»; «*горшечник у них в деревне был*»; «*горшки делали*»; «*они все маленькие какие-то были – потому горшки*». Последняя из этих мотивировок выбивается из общего ряда, так как она образна; возможно, данная мотивировка является результатом более позднего переосмысления прозвища.

Анализ мотивационных гнезд показывает, что некоторые из мотивировок, функционирующих в составе разных гнезд, построены по идентичным моделям, что говорит о существовании в ономастиологическом сознании информантов устойчивых моделей мотивации: *вороны* – «*старик вместо чухаря сварил ворону*»; *совы* – «*съели когда-то сову*». И в том, и в другом прозвище мотивировки образованы по аналогичной модели: очевидно, в них отражены фольклорные мотивы, так как прозвище можно рассматривать как своеобразную формулу устного народного творчества, для которого характерно варьирование, повторяемость одной модели.

7) Интересным представляется проследить среди коллективных прозвищ тенденцию к образованию соотносительных рядов, элементы которых объединены семантической связью. Явление такого рода встречается в прозвищном ономастике, однако семантическая связь используется преимущественно в сфере индивидуальных прозвищ, служа средством для обозначения внутрисемейных отношений¹. Среди коллективных прозвищ семантические ряды встречаются довольно редко; функция таких связей – указание на соседские отношения коллективов жителей различных деревень: *кукушки* – *совы* – *тетёры* – *зелезени* (< селезени) – жители соседних деревень в Мезенском районе Архангельской области.

8) В образовании прозвищ нередко наблюдается явление языковой игры, которая может реализоваться с помощью различных приемов: а) прием рифмы: прозвище иногда не имеет мотивировки, а просто рифмуется в прибаутке, бухтине, дразнилке, побасенке: «*Лопшари - зубари, яренжата - пестери, Дураково - Ревяково, Золотица - Еретица, Пушлахта - Наважка*»; «*Вытегоры – воры, воры, Припахали все угоры; У нас угоры-то круты, У них кони-то худы*». Некоторые из рифмующихся компонентов могут функционировать и вне текста – тогда они включаются в составленный в настоящей работе Словарь коллективных прозвищ; б) использование особых словообразовательных моделей, создающих парадоксальную внутреннюю форму прозвища, ср. компонент *-еды* (*-едники*), встретившийся

¹ Березович Е.Л. Семантическая связь наименований в прозвищной антропонимии // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Тез. докл. Красноярск, 1991. С. 103-105.

в составе 16 коллективных прозвищ, например: *бороеды, борщееды, векшееды, вичкоедники, ершееды, кушееды, моржееды, трескоеды* и др. в) игровое переосмысление топонима, обозначающего место жительства носителей прозвища: Лопшеньга → *лопшари* – жители д. Лопшеньга; Ревдино → *ревуны* – жители д. Ревдино; Кузомень → *кузовки* – жители д. Кузомень.

Таким образом, номинация в прозвищах является живым, незастывшим процессом (или являлась таковой до недавнего времени), что позволяет говорить о своеобразии коллективных прозвищ, выделяющем их из других разрядов ономастики.

В третьей главе («Русские коллективные прозвища в этнолингвистическом аспекте») предпринята попытка показать ценность коллективных прозвищ как источника этнолингвистической информации: проводится анализ реализации оппозиции «свое – чужое»; выявляются особенности лингвогеографической дистрибуции коллективных прозвищ на языковой карте исследуемой территории.

В ходе изучения коллективных прозвищ, можно выявить своеобразие восприятия носителями языка своей и чужой территориальной и социальной общности – в этом и состоит специфика коллективных прозвищ как источника этнокультурной информации. Таким образом, выявляются особенности реализации оппозиции «свой» – «чужой» в сфере коллективных прозвищ. В коллективных прозвищах эта оппозиция выражается в противопоставлении самоназваний и именовании коллектива соседей, которое прежде всего проявляется на уровне коннотативной тональности: первым свойственны мелиоративные коннотации, вторым – пейоративные, при этом пейоративные наименования соседей составляют подавляющее большинство коллективных прозвищ.

Значимость данной оппозиции в сфере коллективных прозвищ подчеркивается тем, что эта группа антропонимов, как уже отмечалось исследователями, наследует номинативные традиции этнонимов (А.Ф. Журавлев, В.А. Никонов, Е.В. Ухмылина), для которых антитеза «своего» и «чужого» является ономаσιологической магистралью. Задача настоящего раздела (§ 1 «Коллективные прозвища в русских говорах и традиции этнонимии») – выявить типологическое сходство этих разрядов и определить точки их взаимодействия.

I. Связь коллективных прозвищ и этнонимов наиболее ярко проявляется в существовании среди коллективных прозвищ своеобразных **вторичных этнонимов**: *киргизы, румынцы, турки* и т.п. Этот термин вводится по аналогии с термином **вторичные топонимы** (ср.: *Камчатка, Иерусалим, Москва* и т.д. в микротопонимии²). Такие вторичные этнонимы характеризуются ономаσιологической «размытостью»: образного переосмысления черт той или иной нации может не происходить; важным оказывается лишь факт принадлежности «чужому миру».

Все вторичные этнонимы, зафиксированные на исследуемой территории, по источнику номинации могут быть разделены на две группы: 1. Названия народов, проживающих или проживавших на территории Русского Севера и смежных территориях России: 1) этнонимы, называющие племена, которые в древности проживали на Русском Севере и смежных территориях (*паны, чуди // чудь // чудь белоглазая*); 2) этнонимы, называющие народы, которые и ныне проживают на Русском Севере и соседних территориях (*вотя // вотяки, зырь // зыряна // зыряне, кайбаны, комики // комята, лопари*). 2. Названия народов России (СССР), не проживающих на исследуемой территории (*кацапы, киргизы, печенеги, татары, хохлы*). 3. Названия населения других стран, то есть «заграничные» этнонимы (*азиата, американцы, арабы, китайцы, немцы, португальцы, прусаки, румынцы, турки, финны, французы, чеченцы, шведы, японцы*).

Анализ вторичных этнонимов, зафиксированных на исследуемой территории, позволяет сделать следующие выводы: 1. На основании рассмотренных наименований можно составить общую картину изученности внешнего мира, содержащуюся в сознании создателей этой разновидности коллективных прозвищ. Коллективные прозвища отражают весьма широкую

² Отин Е.С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14. С. 3–14; Печерских Т.А. Вторичные топонимы типа Камчатка // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. № 8-9. С. 25–27.

географию: в них фиксируются названия народов почти всех континентов (Европа, Азия, Америка). Это объясняется тем, что, во-первых, расширился «внешний горизонт» современного номинатора; во-вторых, можно говорить о существовании своеобразного «полиэтнического субстрата» в сознании носителя антропонимической системы (житель Русского Севера – изначально неоднородного в плане заселения региона – воспринимает территориально чужие коллективы через призму полиэтничности), что способствует усилению активности модели **«вторичный (внешний) этноним» → «коллективное прозвище»**. 2. Факт этнических контактов наиболее ярко отражается в коллективных прозвищах, которые образовались в результате метонимического переноса соответствующих этнонимов на обрусевшее население (*чудь, зырь*). Наличие данных этнонимов в прозвищах позволяет использовать их в практике этнолингвогеографических исследований как еще один источник выявления ареалов расселения этих древних племен. 3. Прозвища жителей, в основу которых положены этнонимы – обозначения древних народов, проживавших на территории России, имеют более негативную окраску, чем прозвища, созданные на базе «иностраных» этнонимов: *зырь* – «*драться любят*», «*матюкливые, боевые*», «*злые были*». В то же время, коллективные прозвища, образованные от «заграничных» этнонимов, имеют мотивировки более нейтрального характера: *португальцы* – «*богато в войну жили*». 4. Вторичные этнонимы позволяют провести этнографическое деление изнутри, выявить границы между различными этнографическими группами. Кроме того, данные наименования могут служить источником для изучения некоторых моментов исторического развития (освоение края, более поздние переселения из других мест и т.д.).

II. Для того, чтобы проследить связь между коллективными прозвищами и этнонимами на уровне конкретных признаков номинации, попробуем «наложить» ономаσιологическую классификацию этнонимов В.И. Супруна³ на имеющийся в нашем материале массив коллективных прозвищ. Наиболее яркое соответствие этнонимов и коллективных прозвищ прослеживается на примере анализа группы **«тотемных этнонимов»** (названий, в основе которых лежит название животного, рыбы или птицы – тотема данного коллектива). Вопрос о наличии подобных фактов среди коллективных прозвищ не может быть решен однозначно: несмотря на то, что в нашем материале имеется значительное количество коллективных прозвищ, в основе которых лежит лексема, обозначающая птицу, рыбу, животное, сам факт фиксации таких имен не дает права относить их к тотемным этнонимам. Исключением, на наш взгляд, является **«птичья модель»**, широко представленная в материале (30 наименований): *воробыи, вороны, гاغары, галки, дрозды, журавли, кукушки, кулики, петухи, совы, стрижи, чирки* и др. Мотивы номинации, отраженные в «птичьих» прозвищах, как правило, оказываются затемненными для современных носителей языка. В связи с этим заманчиво было бы представить, что рассматриваемые названия «хранят память» о финно-угорском населении Русского Севера. Известно, что в ономастике финно-угров широко распространена тотемная модель номинации, причем птицы – «излюбленные» тотемы финно-угров⁴. Можно попытаться найти и другие причины активности «птичьих» названий, которые содержат характеристику речевых особенностей номинируемого коллектива (но, во-первых, не все «птичьи» названия имеют мотивировку, отражающую речевые характеристики, во-вторых, вероятно вторичность мотивировки по речи, появление ее на современном этапе как результата переосмысления). Таким образом, тотемные названия, распространенные в языках аборигенного населения, могли повлиять на создание ономаσιологической модели **«коллектив людей» ← «птицы»**, которая затем получила новое мотивационное наполнение.

В ходе ономаσιологических исследований иногда наблюдаются такие ситуации, когда осваиваемые в ходе номинации объекты действительности неравномерно отражаются на

³ Супрун В.И. Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976. 19 с.

⁴ См., например: Агапатов В.А. Об орнитотопонимах островов архипелага Кижские шхеры (отражение родовых и фратриальных связей в топонимии Заонежья) // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 48–60.

номинативной карте, то есть соотношение объектного ряда и языкового ряда можно охарактеризовать как асимметричное (объектный ряд потенциально может полностью коррелировать с языковым, когда каждому объекту действительности присваивается свое имя; в реальной ситуации языковой ряд содержит обширные лакуны). В таких случаях можно говорить о своеобразной номинативной дистрибуции, под которой следует понимать особенности распределения объектов номинации в рамках определенного номинативного пространства. Задача § 2 «*Лингвогеографическая информативность русских коллективных прозвищ*» – представить анализ механизмов номинативной дистрибуции коллективных прозвищ на территории Русского Севера (а именно, в Архангельской и Вологодской областях). На данной территории фиксируется неравномерный характер распределения коллективных прозвищ: выделяются зоны высокой номинативной плотности, а также зоны номинативной разреженности. Полученная картина, по нашему мнению, зависит от ряда **объективных** факторов номинативной дистрибуции:

1. Высокая номинативная плотность обнаруживается, в частности, в пяти северных районах Архангельской области: Мезенском, Лешуконском, Приморском, Пинежском, Холмогорском. Думается, что это обусловлено причинами экстралингвистического характера, которые можно обозначить как *социально-бытовые*. Во-первых, на этих территориях сложился особый тип хозяйствования, который напрямую связан с природными и географическими факторами: в районе имеется либо выход к Белому морю, либо район расположен в бассейне крупных рек (Северная Двина, Пинега). Одной из важнейших характеристик сформировавшегося при этом хозяйственного уклада является артельный рыболовецкий промысел. Таким образом, в ограниченный период промысла создается ситуация интенсивного контакта жителей соседних поселений. Во время общей промысловой деятельности возникает единое географическое и экономическое пространство – а, следовательно, и номинативное пространство становится общим, что приводит к необходимости дифференциации и номинации соседних коллективов. Во-вторых, следует учитывать и особый тип поселений на этой территории. Здесь распространены преимущественно крупные села, которые нередко удалены друг от друга на значительное расстояние; здесь нет характерной для многих районов Вологодской области интенсивной «филиации» поселений, когда на базе какой-либо деревни интенсивно возникают хутора, починки и т.п., что создает подвижность границ объектов номинации. На севере Архангельской области, напротив, эти границы весьма устойчивы, объекты номинации четко выделены. Таким образом, совокупность социально-бытовых факторов (особый хозяйственный уклад, общий промысел, структура и тип поселения) приводит к созданию зоны номинативной плотности в этих районах.

Скорее всего, причины такого же характера повлияли и на создание еще двух ареалов повышенной номинативной плотности в зонах, где имеются обширные и значимые с промысловой точки зрения озера – и соответственно, возникают условия для осуществления совместной работы жителей различных деревень (рыболовецкого промысла). Это характерно для *бассейна озера Воже* (Вожегодский и Кирилловский районы Вологодской области, Каргопольский и Коношский районы Архангельской области), а также *Белого озера* (Белозерский и Вашкинский районы Вологодской области). В перечисленных районах (возможно, сюда же следует отнести и Усть-Кубинский район Вологодской области, на территории которого находится *Кубенское озеро*) отмечается высокий процент коллективных прозвищ.

2. Для номинативной ситуации в некоторых районах РС, на наш взгляд, является релевантной другая причина экстралингвистического характера, которую можно квалифицировать как *этнокультурную*. Это замечание необходимо прежде всего отнести к так называемым «пограничным» районам, находящимся на окраинах исследуемого ареала и, соответственно, часто граничащим с зонами, где проживает нерусское население (или же включающим этнически неоднородное население). Данное утверждение может быть отнесено, например, к территории Белозерского района Вологодской области, где русское

население проживает совместно с вепским, и к территории Вилегодского района Архангельской области, которая на востоке граничит с Республикой Коми. В такой «пограничной» ситуации реализация фундаментальной координаты *свое – чужое* фиксируется в отражении прежде всего «этнографических» различий⁵. Если в обычных условиях такого рода различия тоже могут стать номинативным «раздражителем», то в ситуации этнического пограничья номинативная реакция на комплекс бытовых и антропологических различий неминуема и абсолютна.

3. На номинативные традиции в сфере коллективных прозвищ, безусловно, оказывают влияние и собственно лингвистические причины – в частности, *традиции номинирования* коллективов людей, характерные для различных контактирующих народов. Особый интерес в этом отношении вызывают зоны относительно недавних интенсивных контактов русского населения с финно-угорскими племенами. В исследуемом материале такие зоны, на наш взгляд, могут быть выявлены благодаря определенным группам коллективных прозвищ: 1) коллективные прозвища, образованные от этнонимов; 2) коллективные прозвища, образованные от названий животных или птиц, которые, возможно, отражают традиции «тотемного» номинирования. Скопления этих двух номинативных типов коллективных прозвищ, по нашему мнению, являются показателями субстратных зон. Так, например, учитывая антропонимические данные, такие субстратные зоны могут быть выделены на севере Архангельской области (Лешуконский и Мезенский районы), где ярко проявляется «птичья модель» (ср. прозвища жителей соседних деревень в бассейне р. Мезень – *зелезени, тетеры, кукушки, совы, вороны, дрозды, крохали, петухи*), и на юге Архангельской области (Устьянский и частично Вельский районы), где коллективное прозвище *зырь* (*зыряне, зыряки*) проявляет повышенную активность, прилагаясь к нескольким объектам номинации (на небольшой территории одного административного района насчитывается около 30 микроколлективов, носящих соответствующее наименование⁶).

4. Говоря о причинах и механизмах дистрибуции коллективных прозвищ на РС, нельзя не остановиться на *закономерностях наречения*, существующих в рамках антропонимической системы в целом. На наш взгляд, эти традиции прослеживаются в зонах ранней славянской колонизации, например, в Сокольском районе Вологодской области, где антропонимическая система сложилась относительно давно и на собственно русской почве. Прозвищный антропонимикон относится к таким именникам, в которых постоянно действуют механизмы обновления: если набор прозвищ сформировался относительно рано, то на его базе постепенно складывается официальная антропонимическая формула, при этом нейтрализуется характеризующая функция прозвища, которое начинает выполнять только дифференцирующую функцию. Естественно, что если все население деревни имеет одну и ту же фамилию (или две-три фамилии), то антропонимикон перестает выполнять функцию идентификации объекта номинации – и появляются предпосылки для развития прозвищной системы. Соответственно, появляется потребность обновить именник, введя в него новые наименования с прозрачной внутренней формой, которые могли бы не только называть, но и характеризовать объект номинации. Поэтому на таких территориях система прозвищной антропонимии динамична и обладает богатым номинативным потенциалом во всех своих звеньях – как в сфере индивидуальных и семейных прозвищ, так и в сфере коллективных прозвищ. Таким образом, активность прозвищного имянаречения на некоторых территориях ранней колонизации можно объяснить внутрисистемными механизмами, обеспечивающими функциональную результативность именника.

Рассмотрев причины и характер номинативной дистрибуции коллективных прозвищ РС, выделив факторы, повлиявшие на соотношение зон высокой номинативной плотности и зон разреженности коллективных прозвищ на данной территории, отметим, что срабатывание описанных выше факторов носит вероятностный характер: для некоторых районов РС

⁵ Берштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах //Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб, 1995. С.221–289.

⁶ Матвеев А.К. Мерянская топонимия Русского Севера – фантом или феномен? // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С.90–105.

(например, Мезенского и Лешуконского) будет релевантен весь комплекс причин или их большая часть, напротив, в других районах будет срабатывать лишь один из этих признаков.

В **заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы разработки заявленной проблематики.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. Коллективные прозвища как факт ономастики // Актуальные проблемы лингвистики: Ежегодн. регион. науч. конф. Мат-лы. Екатеринбург, 1996. С.41–42 [Урал. лингв. чтения-96; № 9].
2. Русские коллективные прозвища и малые жанры фольклора: аспекты взаимодействия // Актуальные проблемы лингвистики: Ежегодн. регион. науч. конф. Мат-лы. Екатеринбург, 1997. С.48 [Урал. лингв. чтения-97; № 10].
3. Русские коллективные прозвища в свете оппозиции «свое–чужое» // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: Тез. докл. Междунар. симпоз. 9–12 февраля 1997 г. Петрозаводск, 1997. С.79–80.
4. К вопросу о мотивации русских коллективных прозвищ // Актуальные проблемы лингвистики: Ежегодн. регион. науч. конф. Мат-лы. Екатеринбург, 1998. С.58–59 [Урал. лингв. чтения-98; № 11].
5. К вопросу о взаимодействии коллективных прозвищ и географических названий в говорах Русского Севера // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. межвуз. науч. конф. 13–15 октября 1998 г. Вологда, 1998. С.73–74.
6. Ономастиологические особенности русских коллективных прозвищ // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С.41–50.
7. К вопросу об источниках изучения коллективных прозвищ в говорах Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С.76–81.
8. Русские коллективные прозвища и традиции этнонимии // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни: Мат-лы Междунар. совещ. 18–19 ноября 1997 г. Пермь, 1999. С.143–149.
9. Отэтнонимических коллективных прозвища как источник этнокультурной информации // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тез. докл. к регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 1999. С.26–28.
10. Коллективные прозвища в системе языка // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000. С.107–114.
11. Семантическое своеобразие русских коллективных прозвищ (на примере говоров Архангельской области) // Словесность и современность. Мат-лы науч. конф. 23–24 ноября 2000 г. Лингвистика. Пермь, 2000. С.105–113.
12. К вопросу о номинативной дистрибуции коллективных прозвищ Русского Севера // Изв. Урал. ун-та. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С.87–92.
13. Территориальный сосед: *свой* или *чужой*? (на материале коллективных прозвищ Русского Севера) // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С.29–32.

Подписано в печать 23.11.2001. Формат 60x84 1/16
Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 1,2. Заказ № . Тираж 100.

Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ.